

Светильники диалога: христианские лампы византийского периода с менорой и их культурный контекст

Лидия Сергеевна Чаковская

(Государственный институт искусствознания;
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Кандидат философских наук, магистр иудаики,
старший научный сотрудник Государственного института искусствознания,
старший преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова
Государственный институт искусствознания
Россия, 125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5
Тел.: +7 (495) 694-03-71, Факс: +7 (495) 785-24-06
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Тел.: +7 (495) 939-32-77, Факс: +7 (495) 939-55-96.

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.3

Аннотация: В статье рассматривается корпус светильников византийского периода с текстом из литургии Преждеосвященных Даров «Свет Христов просвещает всех» и изображением пальмовой ветви. Они сравниваются с еврейскими лампами этого же и предшествующего периодов и обосновывается, почему изображения пальмовой ветви на христианских лампах восходят и образно, и идейно к изображению семисвечника и как именно с этим связан литургический текст.

Ключевые слова: *глиняные светильники поздней античности, византийские светильники, менора, крест, древо жизни*

В знаменитом городе на Ефрате Дура-Европос два недалеко отстоящих друг от друга здания были превращены из частных домов в религиозные центры двух общин, когда один стал синагогой, а другой христианским баптистерием¹ [Kraeling 1967; Driven 2008, 48].

Я благодарю Михаила Чистосердова за помощь и советы во время работы над текстом настоящей статьи.

¹ Христианская церковь была расписана ок. 230 г. н. э., община состояла из 60–75 человек.

Их знаменитые росписи не только иллюстрируют религиозное сознание двух групп, но также являются свидетелями острой полемики о божественном свете.

В христианском баптистерии на нижнем ярусе росписей две женщины в белом несут к гробнице светильники². Они написаны на стене, примыкающей к крещальной купели, в результате чего возникает ощущение движения и к гробнице, и к купели одновременно. Зажженные свечи указывают на то, что дело происходит, по евангельскому повествованию, рано, когда еще темно, также напоминая о крещении как смерти и воскресении в свет жизни. Новокрещенные в белых одеждах с горящими свечами входили в церковь на Пасху, к которой обычно было приурочено крещение [Шмеман 1993, 146], уподобляясь этим женам, обходя со свечами вокруг купели. Крещение в терминологии апостолов – это просвещение: «Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий» (Евр 10:32), поскольку «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор 4:5). Девы со светильниками идут к люнете, в котором изображены Адам и Ева вокруг древа познания [Driven 2008, 51; Kraeling 1967, 202] и Добрый пастырь, представляя как будто чаяние крещаемых: «когда же ты отрицаешься сатаны, разрывая совершенно всякий с ним союз и древнее согласие со адом, тогда отверзается тебе рай Божий, на востоке насаженный, откуда за преступление изгнан был наш праотец. Означая сие, обратился ты от запада к востоку – стране света»³. Свет – важнейшая тема христианского баптистерия.

В росписях синагоги Дура-Европос (165 г. н. э.) тоже обращались к теме света. На нише Торы – Арон Кодеше – изображен портал Храма и величественная менора. Сделанная со всеми подробностями, она имеет семь ветвей, каждая из которых завершается миндале-

² Вторая часть процессии со свечами, видимо, шла по параллельной стене, но она не сохранилась.

³ *Свт. Кирилл Иерусалимский. Тайноводственные поучения. I. К новопросвещенным, на слова из Петрова Соборного первого послания // Творения святого Кирилла, архиепископа Иерусалимского / Пер. с греч. Ярославской духовной семинарии. М., 1900; Поучение I:9. https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Ierusalimskij/tajnovodstvennyye-pouchenija/. Дата обращения 21.05.2019.*

видной лампой с зажженным фитилем. Миндалевидная форма ламп созвучна образу глаза из видения пророка Захарии:

...Вижу светильник весь из золота, и чашечка для елея наверху его, и семь лампад на нем, и по семи трубочек у лампад, которые наверху его; и две маслины на нем, одна с правой стороны чашечки, другая с левой стороны ее <...> Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, – это очи Господа, которые объемлют взором всю землю? (Зах 4:1–4, 10–11).

Свет в синагоге сообщает нам о *свете зрения* Бога и о грядущем пришествии Мессии, свет в баптистерии говорит о приобщении к свету воскресения Христа через крещение. В Откровении Иоанна (конец I в. н. э.) среди семи светильников появляется Сын Человеческий, чье лицо «как солнце» (Откр 1:12). Таким образом, свет меноры сливается со светом Христа, свидетельствуя о христианстве как исполнении ветхозаветных пророчеств.

Тема настоящей статьи – светильники, которые так реалистично изображены в синагоге в Дура-Европос и которые во множестве производились на Святой Земле. На христианских лампах византийского периода (с IV по VII в. н. э.), большая коллекция которых хранится в археологическом музее Studium Biblicum Franciscanum у церкви Бичевания и в Музее библейских стран в Иерусалиме, появляется тема света в нанесенных на них надписях [Loffreda 2001]. Сами лампы украшены изображением пальмовой ветви, очень похожей на семисвечник или менору с девятью ветвями. Как связаны надписи с изображением? Каков религиозный контекст изображений на христианских лампах или как тема света представлена на еврейских лампах этого же периода? Я предполагаю, что общей для христианских и еврейских памятников оказывается тема меноры как дерева света. Несмотря на очень простой способ исполнения, украшение светильников отражает способ художественного мышления жителей византийской Палестины, тот иконографический фон, на котором происходило развитие христианской образности. В этом их непреходящая ценность и значение для исследователя.

Византийские лампы с ветвью, получившие широкое распространение со второй половины IV по VI в., имеют специальное название: «тип ламп со светильниками» (candlestick type) или «тип ламп в форме туфельки» (slipper lamps). Пальмовая ветвь, расположенная на

носике лампы, напоминает нам дерево с семью (или девятью) ветвями или же светильник с ветвями. Центральный ствол ветви / светильника завершается отверстием для фитилька. Христианские лампы со светильниками бывают двух типов: небольшие (вторая половина IV – середина VI в.), на которых пальмовая ветвь / крест / стилизованная менора является главным украшением (могут встречаться также просто декоративные насечки, идущие по тулову лампы (в русской традиции это называется «рубчатый орнамент» [Журавлев 2007, 340]), и лампы, на которых помимо ветвей имеются также надписи (вторая половина VI–VII в.) [Gardner 2014, 286; Magness 1993].

Итак, на интересующих нас лампах соседствуют надписи, «спрятанные» в буквенных аббревиатурах, когда одна буква может заменять целое слово, и изображение на носике.

Среди буквенных аббревиатур мы находим сокращения «Христос Свет» (ХС ΦΩΣ) [Loffreda 2001, 24]. На некоторых лампах (№ 32 коллекции францисканцев) идея, что Христос есть свет, выражена в строчках псалма «Господь просвещение мое» (Пс 27:1). Иногда надпись соседствует с крестами, например на лампе № 37 [Loffreda 2001, 26]. На этой лампе вокруг носика изображена пальмовая ветвь, а по сторонам – два равноконечных креста. Между пальмой и крестом находим букву *Йота* (Ι) – сокращение имени Христа, а слева – *Фи* – первую букву слова «свет» [Ibid.]. Таким образом, складывается фраза «Иисус есть свет».

На лампе № 34 идея Христа как света связана и с идеей воскресения (так же как в баптистерии в Дура-Европос): «Свет Христос, воскресение. Христос есть свет». Эта надпись сопровождается изображениями: в начале – маленький крест, а в середине – пальмовое дерево, в конце фразы – птичка [Loffreda 2001, 24, 26].

На лампе № 41 находим надпись, повторенную два раза, – «Альфа Омега светит» [Ibid., 28]. На лампе № 24 мы читаем *Фи* (начальную букву слова ΦΩΣ – свет), *Хи* (*Хи-Ипсилон*) – начальную букву имени Христа, и вновь *Фи* – начальную букву слова «светит» (φαίνει), что образует фразу «Свет Христа светит» [Ibid., 20].

На лампе № 76 мы видим Φ (*Фи*) у основания пальмы и Α (*Альфа*) – «начало было Свет».

Буквенные сокращения, расшифрованные францисканским археологом Станиславом Лоффреда, практически всегда сопровождаются

изображением пальмовой ветви, которое С. Лоффреда определяет как «стилизованный дизайн пальмовой ветви». Чаще всего пальмовая ветвь идеально вписывается в пространство между отверстием для масла и отверстием для фитиля. У ветви может быть по три или по четыре побега с каждой стороны. С. Лоффреда отмечает, что «близость между священной буквой и символом пальмовой ветви или крестом есть и на других лампах. Например, буква *Χι* для Христа иногда изображается как основание пальмовой ветви (№ 77) или креста (№ 78), а *Ιψιλον* (для Спасителя) составляет часть процветшего (two-horned) креста, как на № 79» [Loffreda 2001, 39]. На лампах № 30 и № 31 крест, украшающий отверстие для фитиля, образован пальмовыми ветвями.

Изображение пальмовой ветви – это не просто декор: мы видим, что оно осмыслено как часть иконографии. Например, ветвь с шестью ответвлениями, чей центральный ствол завершается отверстием для фитилька на лампе № 37, имеет два креста по сторонам. Так светящееся древо с двумя крестами складывается в иконографию креста Христа между двумя распятыми разбойниками. На лампах № 30 и № 31 пальмовые ветви перерастают в крест, так что сам крест становится деревом – мотив, известный по паломническим ампулам Монзы, о которых мы скажем ниже.

Самая часто встречающаяся фраза на византийских масляных лампах – это формула «Свет Христов просвещает всех» [Loffreda 2001, 17]. Интересующие нас лампы имеют изображение пальмовой ветви на носике, вокруг отверстия располагается текст «ΦΩΣ ΧΡΙΣΤΟΥ ΦΑΙΝΕΙ ΠΑΣΙ» [Nitowski 1986; Loffreda 1989; Magness 1993] («Свет Христов просвещает всех»).

Текст был неправильно атрибутирован Джоди Магнесс в статье 1996 г., а потом в ее популярной версии 1998 г. [Magness 1996; Magness 1998]. Магнесс, повторив Клермон-Ганно, предположила, что лампы связаны с храмом Гроба Господня, особенно с церемонией святого огня, которая происходила в Великую субботу перед Пасхой и которая дошла до нас в описании паломницы IV в. Эгерии⁴ [Ni-

⁴ Знаменитый текст паломницы IV в. был переведен на русский язык И. Помяловским, который назвал ее Этерией (или Сильвией Аквитанской). Сегодня в науке закрепилось произношение ее имени как Эгерия, и она не отождествляется более с Сильвией Аквитанской.

towski 1986; Loffreda 1989; Magness 1993]. Интерпретация Джоди Магнесс повлияла на дальнейшее изучение ламп с такого рода надписями: они стали связываться с феноменом паломничества.

Однако фраза имеет более конкретное происхождение. Французские ученые начала XX в., а вслед за ними и С. Лоффреда отмечают, что текст на лампах – это фрагмент литургии Преждеосвященных Даров, особого чина, который совершается только в дни Великого поста. Само словосочетание «Свет Христов просвещает всех» восходит к Евангелию от Иоанна: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1:9).

Что такое литургия Преждеосвященных Даров, какие ее особенности могут помочь в понимании смысла ламп? В отличие от обычного типа литургии это богослужение состоит в основном из ветхозаветных чтений. Святые дары на ней не освящаются, а только раздаются верующим, а приготовление как раз состоит в обширном чтении из псалмов и Писания [Alexopoulos 2009, 152; примечание 59 для истории вопроса и интерпретаций «Φῶς ἰλαρόν»].

Последование литургии перечисляет чередование чтений, пения и возгласов священника: певцы поют «Свете Тихий» – гимн Христу как свету, составленный не позже IV в., затем следует прокимен Триоди, паремия, чтение из Ветхого Завета, и другой прокимен из Триоди. Диакон возглашает: «Повелите». Священник, стоя перед престолом со светильником и кадилом в руках, изображая знак креста, возглашает: «Премудрость, прости». Затем, обратившись к народу, в открытых Царских Вратах возглашает: «Свет Христов просвещает всех». Затем чтец читает второе чтение из Ветхого Завета, а диакон затворяет Святые Врата. Ветхозаветные чтения включали в себя книгу Бытия, книгу Исход и книгу Притч Соломоновых, а возглас «Свет Христов просвещает всех» произносился между этими чтениями.

Стефанос Алексопулос, американский специалист по истории литургии, пришел к выводу, что возглас «Свет Христов» входил изначально именно в постовой цикл чтений, а не в литургию [Alexopoulos 2009, 170]. Великопостный круг ветхозаветных чтений сложился в Антиохии в IV в. [Ibid., 166]. «Свет Христов просвещает всех» как возглас – это краткий луцернарий (lucernarium) в отличие от полной формы в виде гимна «Свете Тихий» и псалмов [Ibid., 167–168]. Лу-

цернарий – это христианская практика встречи вечернего света, которая появилась около IV в, а возможно и раньше. О ней как уже сложившейся пишет Василий Великий:

Отцы наши не хотели принимать в молчании благодать вечернего света, но тотчас, как он наступал, приносили благодарение. Хотя мы не можем положительно сказать, кто был творцом тех хвалений, которые читаем во время светильничных молитв, впрочем народ повторяет древний голос...⁵

Как отмечает Алексопулос, на востоке «символизм Христа как света должен был быть таким сильным, что выражение “Света от света” по отношению к Христу стало частью Никейского символа веры: “Света от Света, Бога истинна от Бога истинна”» [Alexopoulos 2009, 168; Dölger 1936, 8, 10; Dölger 1950]. К концу IV в. элементы домашнего луцернария появляются в вечерних службах Каппадокии и Палестины.

О домашней молитве с наступлением вечера пишет Григорий Нисский:

Так наступил вечер, и когда внесли светильник, она обвела глазами помещение и явственно устремила взгляд на источник света, желая прочесть светильничные молитвы. Поскольку же голоса не было, она исполнила свое желание в сердце, сопровождая молитву движением рук и шевелением губами в такт внутреннему голосу. И, завершив благодарение, она поднесла руку ко лбу, чтобы перекреститься, ознаменовала тем самым окончание молитвы⁶.

Текст паломничества Эгерии описывает ежедневное богослужение в храме Гроба Господня:

В десятый же час (что зовется здесь *licinicon*, а мы называем вечерня) подобным же образом все собираются в Воскресение, зажигаются

⁵ *Свт. Василий Великий*. О Святом Духе. К Амфилохию, епископу Иконийскому // Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския, в русском переводе. Ч. 3. Гл. 29. М., 1891. С. 189–293. http://mstud.org/library/b/basil_gr/holy_spirit/hs00.htm. Дата обращения 21.05.2019.

⁶ *Свт. Григорий Нисский*. Послание о жизни св. Макрины / Пер. и комм. Т.Л. Александровой. М., 2002. <http://www.mgl.ru/library/7/grigoriy-nisskiy.html>. Дата обращения 21.05.2019.

все лампы и свечи, и делается большой свет. А огонь не приносится извне, но подается из внутренности пещеры, где денно и ночью горит неугасимая лампада, то есть внутри преграды. Поются вечерние псалмы и более продолжительные антифоны⁷ [Loffreda 2001, 51].

Постепенно внесение свечей из имеющего практическое назначение переросло в символическое действие и заняло прочное место в богослужении.

Частью литургии Преждеосвященных Даров фраза «Свет Христов просвещает всех» стала, видимо, где-то в Сирии [Alexopoulos 2009, 183], лампы с текстом в богослужении не использовались, а служили домашними предметами. Таким образом, наша лампа отражает самое широкое бытование формулы «Христос есть свет» и **связь этой формулы с чтениями из Пятикнижия**. Идея об особом значении света характерна не только для Евангелия, но и для предшествующей истории Святой Земли.

Обсуждая назначение и функцию лампы в повседневной жизни, ученые приходят к противоречивым выводам. Магнесс предлагает видеть в лампах евлогии, указывающие на Святую Землю, поскольку большая часть ламп происходит из Иудеи. Лоффреда видит в них отсылку к христианской идее: «Византийские лампы погружают нас в глубоко религиозный контекст. Главная тема “Христос есть Свет”. Христос – Победоносное Начало и Воскресение. Можно сказать, что византийские масляные лампы подытоживают апостольский символ веры» [Loffreda 2001, 52]. Лоффреда отмечает, что иногда на лампах надпись «Свет Христов» соседствует с лесенкой, которая, по его мнению, есть образ крещения как погружения в смерть и возрождения в нового человека. «Мы можем сказать, что византийские керамисты воспринимали и представляли крещение как погружение в Христа Света. До такой степени, что на некоторых лампах двойной лестничный пролет соседствует с *Фи* и *Ипсилон* – сокращение для имени Спасителя (*Ипсилон*) есть свет (*Фи*) (лампа № 69)» [Loffreda 2001, 50]. Неслучайно крещальные купели бывают в форме креста или в форме буквы *Фи*.

⁷ *Этерия (Эгерия)*. Паломничество по Святым местам конца IV века (изданное, переведенное и объясненное И.В. Помяловским) // Православный палестинский сборник. Вып. 20. СПб. 1889. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/palomnichestvo-posvjatym-mestam-kontsa-4-veka/. Дата обращения 21.05.2019.

Алексопулос, напротив, говорит о том, что лампы имеют апотропейное, то есть сугубо бытовое значение: «Христос, истинный свет, прогоняет тьму и все ассоциированное с этой тьмой» [Alexopolis 2019].

Апотропейное значение приписывается не только имени Христа, но и кресту как светоносному дереву и в силу этого отгонному средству против демонов. Так, на процессионном металлическом кресте (VI в.) из Византийского и христианского музея в Афинах (инв. номер ВХМ 336) [Tsakalos 2011, 146 (инв. номер 112)] появляется акроним ФХФП (*Phi Chi Phi Pi* – «свет Христов просвещает всех»). Исследователь Андреас Роби рассматривает и другие четырехбуквенные сокращения, называя их византийскими тетраграммами (именами Бога) – четырьмя буквами или парами букв, которые сопровождают изображение креста. Так, на одной стороне креста аббревиатура IC XC N K, на другой ФХФП, – и та и другая надписи относятся не только к Иисусу, но и к кресту [Rhooby 2013].

Круг представлений о кресте как свете помогает понять связь между христологическими надписями и веточкой или деревом пальмы, помещенными в носике глиняных ламп. К VI в. складывается идея о богословской связи света и креста, который представлен как пальмовое дерево. Это ключ ко второй части изображений на лампах. Как мне приходилось писать, в образе креста оказалось возможным объединить реальное орудие казни и такие понятия, как древо жизни, искупительная жертва, Божественный свет и государственный символ победы. Центральное место в этом процессе сыграли Иерусалим и ветхозаветное наследие [Чаковская 2015; Chakovskaya 2016].

Вернемся к глиняным лампам. Традиция украшать лампы менорой очень древняя и восходит ко времени Второго Храма [Sussman 1982, 31, 32; Nachlili 2001], археологические находки постоянно пополняют наши знания об этом (ср., например, находку носика лампы, украшенного менорой, в поселении периода Второго Храма в Бершеве в 2019 г.⁸). Однако еврейские лампы, как обратил внимание Гарднер [Gardner 2014, 287], никогда не помещают менору таким образом, чтобы ее огонь совпадал с отверстием для фитилька, ee

⁸ См.: <https://www.haaretz.com/archaeology/.premium.MAGAZINE-ancient-jewish-town-found-in-be-er-sheva-solves-decades-old-mystery-1.7086763>.

нельзя «зажечь». Еврейские лампы также никогда не содержат надписей [Sussman 2003, 225].

Самые ранние еврейские лампы с изображением меноры – это лампы типа Даром (то есть происходящие с юга, куда евреи бежали после разрушения Храма) (70–135 гг. н. э.). Этот тяжелый период в жизни евреев очень беден на артефакты, лампы – одни из немногих материальных свидетельств того времени [Ibid., 223]. На них изображены меноры с более чем семью ветвями. На светильниках мастерской Бейт Натиф в Иудее (языческих, еврейских и христианских) (конец III–V в.) изображается менора [Sussman 1982, 10, 11; Sussman 2003, 227], на самарянских лампах тоже находим менору (III–VII вв.). Византийские лампы со светильником характеризуются особым способом изображения собственно светильника: центральный ствол ветви / меноры завершается петлей, которая охватывает носик лампы. Таким образом, когда лампа зажжена, свет горит из пальмовой ветви.

Варда Суссман, приводя типологию ламп, не сомневается, что пальмовая ветвь носиков христианских ламп – это менора (встречаются также лампы, украшенные просто пальмовой ветвью и не имеющие надписей). Суссман пишет о христианском изображении меноры: «изображение меноры другим способом, в форме пальмовой ветви, то есть победы, может объясняться желанием соотноситься с другими господствующими верами <...>. На многих лампах Пальма-Менора изображаются вместе» [Sussman 2003, 224].

Станислас Лоффреда, напротив, категорически отверг предположение, что пальмовая ветвь может быть менорой. Не пишут о смысле этой детали ни Алексопулос, ни Магнесс. Вместе с тем, мне кажется, сопоставление темы света Христа, света креста и меноры отражает очень важный идейный и культурный контекст, связанный с представлением о христианском кресте.

Именно на Святой Земле происходило и богословское, и художественное осмысление креста. Потребовалось несколько веков, чтобы крест перестал восприниматься как орудие убийства и стал изображением, имеющим символическое содержание. На этом пути крест проходит те же стадии символизации, которые до него прошла менора, сделавшись на рубеже эр самым емким и понятным еврейским символом [Чаковская 2015, 126].

Первой стадией осмысления креста является представление о Кресте как о древе жизни, с которого когда-то начинался и образ меноры. Иоанн Златоуст в «Беседе 16-й на книгу Бытия» пишет:

То (райское) древо ввело смерть, потому что за преслушанием последовала смерть; это (Крестное) даровало бессмертие. То изгнало из рая; это возвело нас на Небо. То за одно преступление подвергло Адама такому наказанию; это освободило нас от бесчисленных тяжестей греховных и дало нам дерзновение перед Господом нашим. Видите вы разность между древом и Древом?

В символическом космосе Иерусалимского Храма именно менора представляла древо жизни. При этом в Храме менора сопоставлялась с пальмой: «Дерево напоминает о древе жизни, а пальма – timora, особо выделена в декоре Храма. Это слово может относиться вообще к украшенному дереву или пальметте, а не конкретному виду» [Bloch-Smith 1994, 25]. Однако самое яркое сопоставление пальмы и древа жизни мы находим в главе 5 Первой книги Еноха, написанной в IV–I вв. до н. э. В книге описывается видение патриарха Еноха, в котором он наблюдает гору:

22. И седьмая гора была между ними; в своей же вышине они все были подобны тронному седалищу, которое было окружено благоуханными деревьями. 23. И между ними было одно дерево с благоуханием, которого я еще никогда не обонял ни от тех, ни от других деревьев; и никакой другой запах не был похож на его запах; его листья, цветы, ствол не гниют вечно, и плод его прекрасен; а его плод подобен **грозду пальмы**. 24. На этот раз я сказал: «Посмотри на это прекрасное дерево: прекрасны на вид и приятны его листья (ветви), и его плод очень приятен для ока». 25. Тогда отвечал мне Михаил, один из святых и почитаемых ангелов, бывший со мною, который был поставлен над этим. 26. И он сказал мне: «Енох, что ты спрашиваешь меня о запахе этого дерева и стремишься узнать?» 27. Тогда я, Енох, отвечал ему, говоря: «Обо всем желал бы я узнать, но особенно об этом дереве». 28. И он отвечал мне, говоря: «Эта высокая гора, которую ты видел, и вершина, которая подобна престолу Господа, есть Его престол, где восседет Святой и Великий, Господь славы, вечный Царь, когда Он сойдет, чтобы посетить землю с милостью. 29. **И к этому дереву с драгоценным запахом не позволено прикасаться ни одному из смертных до времени великого суда; когда все будет искуплено и окончено для вечности, оно будет**

отдано праведным и смиренным. 30. От его плода будет дана жизнь избранным; оно будет пересажено на север к святому месту, – к храму Господа, великого Царя.

В другой рукописи – славянской книге Еноха мы также находим описание дерева в главе 5: «И древо жизни на месте том, где почиет Господь, когда входит Господь в рай, и древо то отменно благовонием своим несказуемым. **И другое древо подле, масличное, точащее елей непрестанно.** И всякое древо благоплодно, и нет там древа бесплодного, и на всем месте том благословение» [Аверинцев 1986].

«Другое древо» тут не случайно. Оно возвращает нас к видению пророка Захарии, который зрит оливу, растущую из древа меноры. У Захарии оно означало помазание на царство и помазание Мессии. В Дура-Европос, с которой мы начали, помазание Саула Самуилом на царство изображено справа от Арон Кодеша.

Таким образом, книги Еноха свидетельствуют, что в период Второго Храма существовала связь между деревом жизни и деревом оливы, между помазанием священства и царством, между восстановлением Храма и явлением Мессии и будущего Храма.

Образ дерева в библейской образности связан с Мессией – Мессия, то есть помазанник, описывается как ветвь: «И произойдет отрасль от корня Иессеева и ветвь произрастет от корня его» (Ис 11:1), «Он взошел перед Ним <...> как росток из сухой земли» (Ис 53:2).

Подводя итог анализу значения меноры в греко-римский период, Эрвин Гуденаф заключает, что «менора имела многообразный спектр значений в еврейском благочестии, но главным было то, что она была мистическим символом света и жизни – Божественного присутствия и проявления в мире, благодаря которому еврей рассчитывает на бессмертие» [Goodenough 1954, 82, 92].

Крест вбирает в себя эти значения, присваивая их себе. Он становится новым деревом жизни, новым образом Божественного зренья в мире, новым символом государственности и, наконец, новым космическим светом (звездосоставный крест) подобно тому, что писал Филон Александрийский о меноре:

Светильник он поставил к югу, представляя движение светил наверху; ибо и солнце, и луна и остальные движутся на южном [склоне небес], избегая севера. И таким образом, шесть ветвей, по три с каждой

стороны, исходят из центрального светильника, образуя вместе число семь, и на ветвях устроены семь лампад и держателей света, символы того, что ученые мужи называют планетами. Ибо и солнце, как [центральный] светильник, занимает четвертое место посреди шести и дает свет трем, находящимся ниже и трем, находящимся выше, гармонизируя, таким образом, постине божественный музыкальный инструмент («De Vita Moses») (О жизни Моисея). 2.102–3. Перевод мой. – Л. Ч.) [Levine 2000, 140–142].

Ко времени строительства храма Гроба Господня христианская иконография уже была готова изображать крест как дерево. Так, на ампуле из Монзы мы видим изображение креста, поставленного как дерево, растущее из Гроба Господня. Жидкость в ампуле называется «масло от дерева жизни» – буквальный парафраз Быт 2:9, то есть пальма-крест и есть дерево жизни. Крест на ампуле именуется *ksylon* ‘дерево’ [Loffreda 2001, 48].

Напомним, что, как показал литургист, фраза «Свет Христов просвещает всех» связана прежде всего с чтением паремий, то есть с изучением Священного Писания Ветхого Завета. Это именно тот угол зрения, под которым христианские апологеты смотрели на Ветхий Завет. Они присваивали себе все. Во II в. Иустин мученик, христианский апологет, в диалоге с Трифоном Иудеем пишет:

Не мною сочинено такое учение и не человеческим искусством оно разуукрашено, но Давид его воспел, Исаия благовестил, Захария проповедал, Моисей написал. Знаешь ли его, Трифон? Оно находится в ваших писаниях или, лучше, не в ваших, а в наших, потому что мы веруем им, а вы читаете и не понимаете смысла их. Не досадуйте, не укоряйте нас за необрезание телесное, которое Сам Бог установил, и не ужасайтесь, что мы и в субботу пьем горячую воду, потому что Бог и в этот день управляет миром так же, как и во все прочие, и первосвященникам повелено приносить жертвы и в тот день, как в прочие; и столько было праведных, засвидетельствованных Самим Богом, которые не соблюдали ни одного из этих постановлений закона (Гл. 29).

– Послушайте, – присовокупил я, – как дерево жизни, насажденное в раю, и события, надлежавшие произойти со всеми святыми, были символом Того, кто, по свидетельству Писаний, после Своего распятия опять придет во славе. Моисей был послан с жезлом для освобождения народа и, держа его в руках, впереди народа рассек море; посредством

жезла он источил воду из камня; бросивши дерево в горькую воду Мерры, он сделал ее сладкою (Гл. 86)⁹.

Апотропейное значение креста следует из его богословия. Иоанн Златоуст в IV в. пишет в «Слове на Пасху»:

Видишь ли, что чем дьявол победил, тем же он и побежден? Древом победил Адама дьявол, Крестом поразил дьявола Христос. То древо низринуло человека во ад, а это древо, древо Креста, и низринутых туда опять извлекло из ада; то заставило пораженного скрыться, как пленного и нагого, а это показало всем Победителя обнаженно пригвожденным на высоте ко Кресту¹⁰.

Вернемся к изображениям ламп. Не так давно было высказано предположение, что глиняные лампы, как бы скромны они ни были, помогают верующему перенестись духом в святые места, они создают священное пространство. Мне видится в этих лампах нечто большее. Зажигая лампу, свет пальмовой ветви / меноры, наливая в нее то же самое оливковое масло, которым помазывали на царство, и читая надпись, сопровождая это крестным знамением, как это описал Тертуллиан в трактате «О венце воина» (около 211 г.) («Мы ограждаем свое чело крестным знамением при всех обстоятельствах жизни: входя в дом и выходя из него, одеваясь, возжигая светильники, ложась спать, садясь за какое-либо занятие»), христианин как бы делом свидетельствовал об осуществившемся преемстве Старого Храма и Нового Храма. На возможность символического «зажигания» меноры обратил внимание Г. Гарднер: «Специфическая форма и контекст меноры на лампах в форме тувельки свидетельствует о большем, нежели просто о стилизации, – о вере в обетование или

⁹ Мч. Иустин. Диалог с Трифоном Иудеем // Сочинения святого Иустина, философа и мученика / Пер. П. Преображенского. М., 1891. Т. 3–4. https://azbyka.ru/otchnik/Iustin_Filosof/s_trifonom. Дата обращения 21.05.2019.

¹⁰ Ср.: «Вместо Евы – Мария: вместо дерева познания добра и зла – древо креста; вместо смерти Адамовой – смерть Христова. Видишь ли, что чем победил дьявол, тем и сам побеждается? Чрез древо поразил дьявол Адама; чрез крест преодолел дьявола Христос; то древо низвергло в ад, это же древо и отшедших извлекло оттуда» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседа на кладбище и о Кресте Господа и Бога и Спасителя Иисуса Христа. https://azbyka.ru/otchnik/loann_Zlatoust/na_kladbishe/#note1. Дата обращения 21.05.2019).

о рынке идентичностей. Важно, что она включена в форму и действия с рабочей масляной лампой. Это возрождало и одомашнивало то, что когда-то было главным источником света в Храме, но также наделяло эти лампы особой перформативной ролью: они приглашали и давали возможность пользователю зажечь менору. Это тот перформативный момент, который мы видим на лампах с христианскими мотивами и словами» [Gardner 2014, 287]. Христианин осмысляет каждый момент своей жизни, и противопоставление света и тьмы фиксируется христианским сознанием. Пятая из утренних молитв, приписываемая Василию Великому (IV в.) говорит о «ночи жизни», которую человек проживает в ожидании суда и истинного света. Это связано не с тем, что жизнь плоха, а с тем, что тьма жизни требует отдельного внимания. Мы даже знаем группу людей на Святой Земле, которые занимались особым бодрствованием, – это палестинское монашество, в котором с самого начала были установлены ночные богослужения и практика личной ночной молитвы.

Лампа – предмет, который есть в каждом доме, бедном ли или богатом. Это идеальный пример для назидания, так как он известен всем, и именно его охотно используют отцы пустынники. Так, авва Арсений уподобляет зажженную лампу человеческой душе: «...как приготовленная и зажженная лампада, если не позаботятся влить масла, мало-помалу гаснет, и наконец ее объемлет совершенная тьма. И не только это, но иногда имышь, ходя около нее и ища съесть светильню, прежде нежели истощится елей, не может ею воспользоваться по причине огня; если же увидит, что не только нет света, но даже и теплоты от огня, тогда, желая воспользоваться светильнюю, сваливает лампаду. И если лампада глиняная, то разбивается; если же медная, то от хозяина дома ставится по-прежнему. То же бывает и с нерадивою душею...» [Руфин 1898, 73].

Так простейший предмет домашнего и общественного обихода стал в византийский период одним из способов рассуждать о самых сложных богословских и этических истинах. Вбирая в себя мудрость и образность Ветхого Завета, христианское искусство в светильниках утверждает себя как преемник традиции Святой Земли.

Литература и источники

- Аверинцев 1986 – Книга Еноха праведного / Пер. С.С. Аверинцева // Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. М, 1986. С. 108–117.
- Журавлев 2007 – Журавлев Д.В. Сиро-Палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. 2007. С. 339–355.
- Книга Еноха: Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокриф. кн. Еноха // Соч. свящ. Александра Смирнова. Казань, 1888.
- Руфин 1898 – Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина / Пер. М.И. Хитрова. Сергиев Посад, 1898.
- Чаковская 2015 – Чаковская Л. Образ семисвечника и образ креста в поздней античности: грани и динамика взаимоотношений // Образ и символ в иудейской, христианской и мусульманской традиции / Под ред. А.Б. Ковельмана и У. Гершовича. М., 2015. С. 72–127.
- Шмеман 1993 – Шмеман А. Водюю и Духом. О таинстве Крещения / Пер. И.З. Дьякова. М., 1993.
- Alexopoulos 2009 – Alexopoulos S. The Presanctified Liturgy in the Byzantine Rite: A Comparative Analysis of Its Origins, Evolution, and Structural Components. Leuven, 2009.
- Alexopoulos 2019 – Alexopoulos S. ΦΩΣ ΧΡΙΣΤΟΥ ΦΑΙΝΕΙ ΠΑΣΙ: Evidence from Inscriptions // Studies in Oriental Liturgy / Ed. by B. Groen, D. Galadza, N. Glibetic, G. Radle. Peeters: Leuven-Paris-Bristol. P. 157–167.
- Bloch-Smith 1994 – Bloch-Smith E. Who is the King of Glory? Solomon's Temple and Its Symbolism // Scripture and Other Artifacts: Essays on the Bible and Archaeology in Honor of Philip J. King / Ed. by M.D. Coogan. Louisville, 1994. P. 18–31.
- Chakovskaya 2016 – Chakovskaya L. Menorah and the Cross in Late Antiquity – the Dialogue // The Wheel. Journal of Orthodox Christian thought. Iss. 6. 2016. Summer. P. 40–48.
- Dölger 1936 – Dölger F.J. Lumen Christi // Antike und Christentum. 1936. № 5. P. 1–43.
- Dölger 1950 – Dölger F.J. Χαῖρε Φῶς Ἰερὸν als antike Lichtsbegrüßung bei Nikarchos und Jesus als heiliges Licht bei Klemens von Alexandrien // Antike und Christentum. 1950. № 6. P. 147–151.
- Driven 2008 – Driven L. Paradise Lost, Paradise Regained: The Meaning of Adam and Eve in the Baptistery of Dura Europos // Eastern Christian Art. Vol. 5. 2008. P. 43–57.
- Gardner 2014 – Gardner G.E. City of Lights: The Roman and Byzantine Jerusalem // Near Eastern Archaeology. Vol. 77. 2004. № 4 (December 2014). P. 284–290.
- Goodenough 1954 – Goodenough E. Jewish symbols in the Greco-Roman period. Vol. 4. New York, 1954.
- Hachlili 2001 – Hachlili R. The Menorah: The Ancient Seven-Armed Candlelabrum: Origin, Form and Significance. Leiden, 2001.

- Kraeling 1967 – *Kraeling C.H.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report. Volume VIII. Part 2. The Christian building. Los Angeles, 1967.
- Levine 2000 – *Levine L.I.* The history and significance of the menorah in antiquity // From Dura to Sepphoris: Studies in Jewish Art and Society in Late Antiquity / Ed. by L.I. Levine, Z. Weiss. Portsmouth, 2000.
- Loffreda 1993 – *Loffreda S.* Lucerne byzantine in terra santa con iscrizioni in Greco. Jerusalem, 1989.
- Loffreda 2001 – *Loffreda S.* Light and Life. Ancient Christian Oil Lamps of the Holy Land. Jerusalem, 2001.
- Magness 1993 – *Magness J.* Jerusalem Ceramic Chronologyca. 200–800 CE. Sheffield, 1993.
- Magness 1996 – *Magness J.* Blessing from Jerusalem: Evidence for Early Christian Pilgrimage // *Eretz-Israel*. 1996. Vol. 25 (Aviram Volume). P. 37–45.
- Magness 1998 – *Magness J.* Illuminating Byzantine Jerusalem // *Biblical Archaeology Review*. № 14. 1998. P. 40–47, 70–71.
- Nitowski 1986 – *Nitowski E.* The Luchnaria: Inscribed Lamps from the Byzantine Period. Occasional Papers of the Horn Archeological Museum Andrews University. Berrien Springs, 1986.
- Rhoby 2013 – *Rhoby A.* Secret Messages? Byzantine Greek Tetragrams and Their Display // *Ars-Hist Papers*. 2013. № 1. <http://art-hist.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=72>. Дата обращения 21.05.2019.
- Sussman 1982 – *Sussman V.* Ornamented Jewish Oil-Lamps. From the Development of the Second Temple Through the Bar-Kokhba Revolt. Warminster, 1982.
- Sussman 2003 – *Sussman V.* Secular and Religious Life in the Holy Land in the Roman and Byzantine Periods as Illustrated on Oil Lamps // *Chrzanowski L.* (dir.). *Nouveautés Lychnologiques*. Sierre, 2003. P. 223–236.
- Tsakalos 2011 – Transition to Christianity. Art of Late Antiquity, 3rd–7th Century AD / Ed. by A. Lazaridou. New York, 2011.

The Lamps as a Witness of Dialogue: the Christian Lamps of the Holy Land and its Cultural Context

Lidia Chakovskaya

PhD, senior researcher at the Institute of Art Studies
Kozitsky Lane, 5, Moscow, Russia
Тел.: +7 (495) 694-03-71, Fax: +7 (495) 785-24-06
Lecturer at Moscow State Lomonosov University
Leninskie Gory, 1-51, Moscow, Russia
Тел.: +7 (495) 939-32-77, Fax: +7 (495) 939-55-96

Summary: Among the Christian lamps of the Byzantine period there is a group with the words from the liturgy of presanctified gifts and the palm branch décor around the nozzle. I will compare them to the contemporary Jewish lamps and will show that the palm branch design is artistically and culturally dependent on the menorah as the first tree of life, which was a predecessor of the Christian tree of life. The text on the Byzantine lamps helps to show, how the Old Testament parallels played an important role in formation of the Christian attitudes to the Cross as the Tree of Life, as witnessed by the text on the lamps.

Key words: *Holy Land Byzantine lamps, menorah, iconography, the tree of life, the Christian cross.*

References:

- Averintsev, S.S., trans. 1986. *Kniga Enokha pravednogo*. In S.S. Averintsev. *Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata*, 108–117. Moscow.
- Chakovskaya, L.S. 2015. *Obraz semisvechnika i obraz kresta v pozdnei antichnosti: grani i dinamika vzaimootnoshenii*. In *Obraz i simvol v iudeiskoi, khristianskoi i musul'manskoi traditsii*, edited by A.B. Kovel'man and U. Gershovich, 72–127. Moscow.
- Khitrov, M.I., trans. 1898. *Zhizn' pustynnykh otsov. Tvorenie presvitera Rufina*. Sergiev Posad.
- Shmeman, A. 1993. *Vodoiu i Dukhom. O tainstve Kreshcheniia*, translated from English by I.Z. Dyiakov. Moscow.
- Smirnov, A., Priest. 1888. *Kniga Enokha: Istoriko-kriticheskoe issledovanie, russkii perevod i ob"iasnenie apokrif. kn. Enokha*. Kazan.
- Zhuravlev, D.V. 2007. *Siro-Palestinskie svetil'niki i ikh imitatsii rimskogo i vizantiiskogo perioda iz Khersonesa*. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 17: 339–355.